

Оригинални научни чланак

<https://doi.org/10.7251/SIN2202003G>

94(497.1)“1913/1913“:355.48(047)

Примљен: 18. мај 2022.

Прихваћен: 14. септембар 2022.

Контакт:

Никита Сергејевич Гусев
gusevns@gmail.com

Балканские войны как войны славянские: функционирование одного из символов в публикациях русской прессы¹

Никита Сергејевич Гусев

Институт славяноведения РАН, Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается то, какое место заняла славянская символика в публикациях русской прессы во время Балканских войн. Именно ее значительная часть газет использовала при описании событий. Таким образом, забытой оказалась Греция. Однако русское общество проявляло к ней мало симпатий. Славянство стало олицетворением христианства, прогресса, свободы и антигерманизма. В силу ряда факторов наиболее активно использовалось символика братства и общего славянского дела. Когда конфликт между Болгарией и Сербией стал очевидным, русское общество активно стало говорить об ответственности не только за братоубийство, но и за разрушение общего славянского дела. В результате Второй балканской войны зазвучали голоса, требовавшие отказаться от славянской политики России. Однако роль символа славянства была слишком велика, чтобы его можно было отбросить. Потому появились попытки спасти символ славянского братства и найти событиям иные причины событий.

Ключевые слова:

Балканские войны, славянство, Россия, Болгария, Сербия, общественное мнение, славянское единство, символы.

Балканские войны являются одной из важнейших вех в истории полуострова, они предопределили многие процессы в XX в. Впрочем, ревизия их итогов продолжается в XXI в. Тем не менее, события 1912–1913 гг. стали поворотным моментом в развитии славянской идеи в том ее изводе, что бытовала в XIX – начале XX вв. Понимание происходящего на Балканах именно в таком ключе тогда было наиболее распространено в России.

Начало открытого вооруженного противостояния Болгарии, Сербии, Греции и Черногории с Турцией всколыхнуло общественную жизнь России.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Газеты увеличили свои тиражи и создали специальные разделы о войне на Балканах. На различных площадках читались популярные лекции и организовывались диспуты о происходящем. Устраивались шумные проводы отправляющихся на родину в армию южных славян, благодаря чему появился знаменитый марш «Прощание славянки». В общем, «газетные статьи читаются с жадностью, победы союзных балканских государств вызывают восторг», как сообщал московский полицейский чин (Gusev, 2020, p. 93). И именно газеты определяли массовое сознание того времени и, соответственно, формировали понимание сути происходящих событий. В то же время пресса была вынуждена общаться на понятном читателю языке, используя понятный ему набор символов и определений.

Одним из главных семиотических комплексов при описании Балканских войн был букет понятий, связанных со славянством. Эти объясняется и резкая активизация славянского движения. Возобновилось издание органа Славянского благотворительного общества «Славянских известий», возникло Общество славянского научного единения, оно вместе с активизировавшимися Обществом славянской взаимности и Славянским благотворительным обществом занялось организацией публичных мероприятий, в том числе кампанией так называемых славянских обедов и благотворительными концертами в пользу «воюющих славян».

Уже первые газетные статьи, посвященные Первой балканской войне, фактически сводили Балканский союз к южнославянской компоненте, но при этом усматривали в событиях несколько пластов событий. Их можно увидеть из двух текстов, вышедших в издании правого толка «Новое время» в первые дни войны. Видный деятель славянского движения, брат покойного премьер-министра России А.А. Столыпин опубликовал обращение «Братьям-славянам» с рефреном «Храни вас Бог, воинственные братья!». При этом в войне он видел не этническое противостояние, а «борьбу угнетенных против угнетателей, нравственно здоровых и молодых народов против нравственно разлагающихся носителей идей застоя и насилия» (Stolypin, 1912, October 3). В передовице «Нового времени» «Славянская страда» заявлялось: «Время великих испытаний наступает для всего славянского племени». И это связывалось отнюдь не с противостоянием Османской империи, хотя и упоминался «новый крестовый поход против антикультурного полумесяца». Статья была посвящена противостоянию с Австро-Венгрией («Slavianskaia strada», 1912, October 1). Таким образом, под знаменем славянства, в представлении печати, велось противостояние по нескольким фронтам. Начнем с внешнего по отношению к полуострову.

За спиной Османской империи русское общество видело поддерживающий ее германизм, и балканские славяне, одолевая турок, таким образом наносили поражение немцам, под чьим гнетом (судя по описаниям газет) еще оставались части славянства.

Антигерманизм являлся едва ли не основной компонентой символики славянства, использующейся в качестве консолидирующего фактора. В тот момент, когда только Черногория объявила войну Турции, но было очевидно, что вступят в нее и остальные члены Балканского союза, публицист Т. Ардов выпустил статью «Война против Австрии». В ней он писал: «Это – борьба с исламом (вернее, просто с дурным правительством исламского государства) за свободу славянства, но вместе с тем это и борьба против немецкой Европы за будущее славянства <...> Это – первый бой славянства с германизмом, но вместе с ним и решительный – роковой бой» (Ar dov, 1912, September 30). Общественный деятель правого толка И.П. Балашев в те дни заявлял: «В настоящую минуту мы присутствуем при последнем акте великой исторической драмы – борьбы южного славянства с германизмом и дружащим с ним исламом». Он в недалеком будущем предрекал неминуемое столкновение «двух соперничающих между собой великих рас – германской и славянской» (Balashev, 1913, p. 14).

В определенный момент, а именно поздней осенью 1912 г., в связи с действиями Австро-Венгрии, нацеленными на лишение Сербии возможности получить выход к Адриатике, мотив славяно-германского противостояния и вовсе вытеснил все остальные символы из описания Балканских войн. В какой-то момент ситуация подошла вплотную к началу русско-австрийской войны, и в Петербурге решили выяснить отношение населения к такому исходу событий. 1 ноября 1912 г. в районные охранные отделения был направлен соответствующий запрос, требовавший выяснить в том числе и «какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос». И, как правило, в донесениях сообщалось о симпатиях славянам, хоть и различающихся по силе в различных уголках страны и среди различных слоев общества (Gusev, 2019). Тем не менее, вновь подчеркнем – вопрос о балканских или сербских событиях не ставился, речь шла о славянстве.

В итоге создание Албании на страницах газеты «Славянские известия» именовалось «разгромом всего славянства» (Kostrikova, 2017, p. 266), открытием дверей для проникновения и утверждения Австро-Венгрии на Балканах (Kostrikova, 2017, p. 291). В результате активной австро-венгерской политики по ограничению приобретений Сербии в российском обществе произошло еще более тесное увязывание славянской идеи с антиавстрийскими и анти-немецкими настроениями. Это проявилось и весной 1913 г., когда славянские манифестации после взятия Адрианополя превращались в антиавстрийские (Gusev, 2018b, p. 13), и в призывах к освобождению Галиции из-под немецкого ига (Kostrikova, 2017, p. 280), и при оценке итогов обеих Балканских войн, и непосредственно при начале Первой мировой войны.

Вмешательство в Балканские войны еще одного внешнего игрока – Румынии – изображалось как результат влияния Вены. Однако, отметим, при его

описании редко возникала славянская риторика – речь шла о конкретном противостоянии болгар и румын, хотя последние положительных оценок и не удостоивались. Таким образом, этому конфликту не придавалось общеславянского значения. Причина, вероятно в том, что Бухарест стремились отколоть от Тройственного союза, и во время Балканских войн русская дипломатия предприняла ряд символических шагов для этого (Kotov, 2017, р. 97–94).

Непосредственная борьба с Турцией сводилась к нескольким символическим противостояниям. Во-первых, религиозному противоборству, которое не нуждалось в глубоком обосновании, во-вторых, к наступлению прогресса на архаику. Последнее многократно подчеркивалось в публикациях путем указаний на достижения балканских славян – на политические системы, на развитие образования и даже применение технических новинок (Gusev, 2020, р. 157–162, 373–402). Таким образом, фактически понятие «славяне» наделялось целым спектром значений. Она становилось символом положительных характеристик – прогресса, молодости, свободы. Однако это являлось поводом для симпатий лишь ограниченной части общества, в первую очередь либерального его крыла. Большинство населения же имело смутные представления об этом, а, как отметил советский ученый Ю.М. Лотман, внешние события не влияют на сознание человека, пока не приобретают для него символического значения, и «для мысли человека существует только то, что входит в какой-либо из языков» (Lotman, 2000, р. 117). И события на Балканах следовало перевести на язык основной массы жителей Российской империи. Главной причиной поддерживать Балканский союз становилось многократное указание на близость к России на надполитическом уровне, и тут ярко проявился третий мотив – общего с Россией славянского дела.

В этой связи из описания событий «выпадала» Греция. Это проявлялось и при организации гуманитарной помощи. Так, лидер кадетской партии П.Н. Миллюков, подвергавшийся критике за дистанцирование от славянского движения, 5 ноября 1912 г. опубликовал воззвание «Поддержите наших друзей». Несмотря на подразумеваемый в заглавии отход от риторики братства, в тексте речь шла только о славянстве. Павел Николаевич призывал активнее жертвовать на помощь славянам и указывал, что настал момент «прогрессивным элементам русского общества <...> установить отношения к славянству на новых началах» (Miliukov, 1912, November 5). 12 ноября 1912 г. в Москве прошла масштабная акция, получившая название «Славянский день». Накануне ее в газете «Утро России» вышла статья с заголовком «Москва славянам!», где объявлялось: «Завтра целая армия сборщиков городского комитета по организации помощи славянам высыплет на улицы и площади Москвы и будет продавать национальные флажки с именем наших борющихся за освобождение славянских братьев на устах» («Moskva slavianam», 1912, November 11). По итогам мероприятия в кружках для пожертвований

были обнаружены записки следующего содержания: «Да здравствуют славяне. Долой Турцию!», «Друзья, братья-славяне Балканского полуострова! Не падайте духом, мы вам поможем, если не финансами, то своей могучей рабочей грудью», «Я жертвую всю свою копилку (1 руб. 52 коп.), купите хлеба и накормите бедных детей-славян» (Shemiakin et al., 2012, p. 322–323). Через месяц в Петербурге прошло аналогичное мероприятие – День славянских флагов. Очевидно неравенство сочувствия к членам Балканского союза и по помощи, оказанной Русским обществом Красного Креста – в Грецию было направлено врачей, немногим более, чем в Черногорию (Grigorov et al., 2005, p. 55). Парадоксально, но за счет регионов с преимущественно мусульманским населением, Россия оказала большую гуманитарную помощь Турции, чем Греции (Gusev, 2018a).

И при описании событий участие греков в войне как бы игнорировалось. В прессе чаще писали о «грозных славянских армиях», «славянском оружии», реже употребляя характеристики «балканские» или «христианские». А тогда, когда Греция упоминалась, то недвусмысленно указывалось на ее периферийность к победоносному славянскому ядру Балканского союза. Сообщалось, что мобилизация в стране проходила вяло, а энтузиазм в народе по поводу борьбы с вековым врагом отсутствовал. Греки, якобы, «с тягостным чувством» шли на призывные пункты, лишь всецело доверяя решению главы своего правительства Э. Венизелоса (Gusev, 2020, p. 155). С иронией описывал военные заслуги греков П.Н. Милуков: «Я мог бы наполнить несколько корреспонденций шутивными рассказами очевидцев о применении греческого военного лозунга: “февгете, педья” (бегите, ребята), о блестящих победах греков над мирным населением и о том стратегическом искусстве, которое они обнаружили, чтобы избежать встреч с неприятелем» (Miliukov, 1913, January 17).

Да и само государство рассматривалась как инородное тело в Балканском союзе. Публицист С. Котляревский заявлял, что, «роль Греции здесь скорее дополнительная» (Kotliarevskii, 1913, p. 19). По словам сотрудника «Нового времени» И.П. Табурно Балканский союз «прочен и непоколебим, особенно между Болгарией, Сербией и Черногорией» (Taburno, 1913, p. 130). Корреспондент «Речи» В. Викторов (Топоров), посетивший Македонию, заключил, что понимание между сербами и болгарами еще возможно, но глядя на болгар и греков в Салониках делал обратный вывод: «Две разных культуры, два совершенно разных языка, два миропонимания столкнулись – так и остались чужими, враждебными друг другу» (Viktorov, 1912, December 28). Патриарх российской военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко и вовсе назвал наследницу Эллады «маленькой, но хвастливой и ненасытной страной» (Gusev, 2020, p. 156). Да и сам народ устаивался нелестных описаний: «Это вечно беспокойная, вечно агрессивная, подозрительная, бурливая сила со средневековыми идеалами, одержимая византийской мега-

ломанией, которая за 500 лет рабства, ничему не выучилась и ничего не забыла» (Amfiteatrov, 1913, p. 239). Впрочем, как мы отмечали ранее, уже в XIX в. в прессе при описании культурно-религиозного противостояния в Македонии могли звучать и болгарская, и сербская точка зрения, но все было резко против греческого влияния и действий Константинопольского патриархата (Gusev, 2021, p. 211–213).

Это, по-видимому, объясняется двумя факторами. Во-первых, Греция традиционно не находилась на орбите русского влияния, не являлась членом Антанты, а во-вторых, ее население не было славянским, и рассчитывать на него в будущем столкновении «рас» не стоило. В итоге к этому члену Балканского союза русское общество особой любви не проявляло.

Когда же начали проявляться трения внутри альянса, то болгарские и сербские требования обсуждались, греческие же рассматривались категорически негативно¹. Газета «Русские ведомости» именовала их «последним отзвуком “великогреческой” идеи» («Slukhi ob», 1912, November 27), «Русское знамя» и вовсе указывало на «особую ненависть» греков к России в связи с их желанием «вернуть» побережье Черного и Азовского морей. По мнению издания, эту ненависть потомки эллинов питали и ко всему славянству, а потому союз не может быть прочен: «Греки и славяне всегда были элементами друг друга исключаящими» (R–”, 1913, June 2). Позитивному образу Греции не содействовало и то, что зверства именно ее солдат по отношению к мирному населению предавались широкой огласке, а об аналогичных действиях болгарских и сербских воинов умалчивали. Этот факт замечали и современники, например, Л.Д. Троцкий, спровоцировавший публичную дискуссию на эту тему с сотрудниками газеты «Речь» (Trotskii, 2011, p. 209–210).

И при подведении итогов Второй балканской войны проявлялось особое отношение к Греции. Газета «Русское знамя», приветствуя победу Сербии, сожалела об усилении Греции, поскольку считала, что последняя примкнет к Тройственному союзу (Kotov, 2015 p. 112). Постфактум же главный редактор «Славянских известий» В.Н. Кораблев не стеснялся в оценках, указывая на то, что нельзя было надеяться на верность греков союзным обязательствам, ведь это «слишком испытанный в области лжи и коварства народ» (Korablev, 1913, June 30), и фактически отказывал им в какой-либо геополитической ценности: «Греция, производящая коринку, выделяющая рахат-лукум и вылавливающая губки, как известно, имеет чисто бутафорскую армию, которая в новейшей истории всегда терпела только поражения» (Korablev, 1913, August 11).

Трения между Болгарией и Сербией оценивались же совершенно иначе.

¹ Обширную подборку материалов, посвященных отражению в русской прессе разлада в стане союзников, см. в готовящемся к публикации Б.С. Котовым и автором настоящих строк сборнике материалов с рабочим названием «Балканская распря глазами русской прессы».

Здесь активно использовались две символические системы – братства и семьи, а также общеславянского дела.

Еще в марте 1913 г. на приеме в Государственной Думе после падения Адрианополя председатель российского парламента М.В. Родзянко произнес тост, обращаясь к присутствовавшим болгарскому председателю Народного собрания и генералу Р. Димитриеву: «Поэтому мы, ваши братья, ликующие о бранных победах славянства, молим вас все силы ума и воли напрячь для предупреждения междоусобных трений» (Rodzianko, 1929, p. 72–79). Ожесточенность болгаро-сербской полемики в русской прессе уже указывала на грядущие столкновения. Будто стараясь замолчать неизбежное, в одной из редакций русских газет решили: «Не печатаем сербов, дабы не печатать болгар и не учинять на страницах “Русского слова” “братоубийственной войны”» (Kostrikova, 2007, p. 252). Впрочем, естественно, это не могло изменить ситуации.

В мае 1913 г. уже ни у кого не оставалось сомнений в опасности столкновений. Корреспондент «Русских ведомостей» сообщал о появлении «кровавого призрака» братоубийственной войны и о скорбных настроениях тех, кто поверил в «мечту о братском союзе между двумя так близкими по крови народами» (Derental, 1913, May 15). А через две недели уже и редакция этого издания страшилась мысли «об ужасах сражений, где братья будут падать под выстрелами братьев» («Vysochaishaia telegramma tsariu», 1913, May 31). Характеристика событий как братоубийственной войны стала в печати повсеместной. Отчетливо избегала ее «Речь», которая и ранее не пользовалась братской риторикой. Газета лишь иронизировала над правой печатью: «Подобно курице, высидевшей утят, она мечется от одного соперника к другому и вопит: как же так? Где же “братство” и “кровное родство”, на которые мы поставили свою публицистическую карту?» («Nasha natsionalisticheskaia», 1913, May 16).

Впрочем, пресса не отказалась от такого описания событий и тогда, когда началась Вторая балканская война. «Утро России» именовало ее даже «балканской семейной распрей», считая, что главная задача Петербурга удерживать Румынию и Турцию от ввязывания в нее (Kotov, 2015 p. 107). Такие ярлыки лишь усиливали возмущение читателей, взвинчивали настроения, требующие покарать виновных в страшном преступлении. Усугубляли это и библейские аллюзии – нередко на события ставилось клеймо каинова дела.

Неудивительно в связи с этим и то ожесточение против Болгарии, которое будет царить в русском обществе после Второй балканской войны. Подводя ее итоги, редактор «Славянских известий» написал: «Поистине “невеселая година” настала в славянской семье, ибо брат восстал на брата, ибо не враги, а “друзи” стали “нести землю розно”» (Korablev, 1913, August 11). Последняя цитата интересна как характеристика настроений. Это слова древнерусского летописца о съезде детей и внуков Ярослава Мудрого, где был зафиксирован

распад единого древнерусского государства. Фактически В.Н. Кораблев указывал на распад общеславянского единства, сделавшего его бывшие части уязвимыми для соседей. Подразумевая, конечно, уже не половцев, а Европу. По его мнению, в стремлении развалить Балканский союз проявили единодушные члены и Антанты, и Тройственного союза, что доказывает: «Европа в отношении славян и России осталась прежней Европой. Неумолимая история лишней раз подтвердила, что законы ее неизменны и непреложны, что Запад и по религии, и по культуре далек от Востока и враждебен ему, что общая опасность объединяет даже кровных врагов» (Korablev, 1913, August 11).

Восприятие событий как общеславянского дела, и в том числе дела русского, было широко представлено во время Балканских событий. Его формировало не только напоминание о кровной и религиозной близости, но и о той роли, которую Россия сыграла в деле освобождения сербов и болгар. Потому часто звучали и характеристики балканских славян как учеников русских (Gusev, 2020, p. 146–149). Следовательно, складывалось мнение, что болгаро-сербская распря рушит общее дело, перечеркивает усилия России, а потому виновник должен нести ответственность не только за «каиново дело», но и за урон славянству и славянской идее.

Это отчетливо проявилось и в последних числах мая, когда император Николай II обратился к правителям Болгарии и Сербии с призывом сесть за стол переговоров. Российская печать оценила это как обращение не просто оговоренного в союзном договоре арбитра, а «природного и естественного вождя всего славянства», как выразилось «Русское знамя» (R–, 1913, June 2). «Голос Москвы» назвал это предупреждением «монарха великой славянской империи», за игнорирование которого можно лишиться симпатий России («Vysochaishaia telegramma», 1913, May 31). «Новое время» подчеркивала, что выступила не «дипломатия, изменчивая и колеблющаяся, а естественный глава славянского мира», потому отказ ему будет отказом от славянства («V Jevrope i na Balkanakh», 1913, June 1). Предупреждал южных славян и журнал «Нива»: «Тот, кто первый поднимет оружие на брата своего, явится самым злейшим врагом всего славянского дела и России» (Gusev, 2020, p. 448). Но дальше всех в этой патетике зашли «Славянские известия»: «Сомневаться в возможности правдивого суда русского царя в делах славянских – и ошибочно, и преступно. Любвеобильное сердце русского царя никогда не бывало закрыто для нужд славян, а божественная премудрость всегда указывала ему истинный путь для справедливейшего решения славянского дела» (Korablev, 1913, June 2).

Как известно, никакие увещевания не сработали, и война разразилась. Оставалось лишь отчаянно восклицать подобно «Новому времени»: «Договор, балканский союз, общие интересы южного славянства – все это рухнуло. Остается спасать обломки и строиться на пожарище» (Kotov, 2015 p.

106). Фрустрация от происходящей на Балканах бойни была столь велика, что газеты публиковали призывы к горячим «общественным молениям» «о вразумлении заблудших братьев, о прекращении их междоусобной брани», поскольку она оказалась бедствием для всего славянского мира (Klevezal', 1913, July 5). Русское общество прошло путь от гордости за соплеменников до горя по разрушенному делу возвеличивания славян.

Показательна в этом плане эволюция высказываний публициста правого толка М.О. Меншикова, воплотившая в себе процесс изменения взглядов русского общества. Осенью 1912 г. он «от лица всего славянства» благодарил болгар, сербов и черногорцев за победы: «Они поддержали историческую честь нашего племени, несколько скомпрометированную несчастной манчжурской войной» (Men'shikov, 1912, October 14). В мае 1913 г. он рассуждал иначе. «Славяне вообще не пользуются большой популярностью в семье человечества», – утверждал он. Но события на Балканах, казалось, изменили ситуацию и породили массовые симпатии к славянам. Теперь же в виду эскалации болгаро-сербского конфликта «нравственный капитал уже идет на убыль», а в самой ситуации «много самого пошлого комизма». Потому в случае войны враги «злорадно захохочут», друзья «с глубокой скорбью усмехнутся», а России и австрийским славянам останется лишь раскаиваться в чрезмерности своих мечтаний. «Что за несчастное, что за бесталанное мы племя, если самые блестящие моменты своей истории умеем испортить междоусобием и враждой!», – эмоционально восклицал автор (Men'shikov, 1913, May 23). Итоги Балканских войн данный публицист оценивал, исходя из интересов всего славянства. По его мнению, не столь важно, к сербам или болгарам ближе македонские славяне, намного существеннее, что при сохранении их союза это население региона жило в славянском государстве. Теперь же часть их оказалась под ярмом Греции, вдобавок славянство утратило и тех болгар, что вместе с Добруджей перешли Румынии (Men'shikov, 1913, July 4).

Кровавая усобица болгар и сербов привела к резкому разочарованию и в идее славянского единства, объявленной журналом «Вестник Европы» «чистейшей фантазией» (Kostrikova, 2017, p. 305). «Голос Москвы» заявил, что после того, как эта светлая идея «изорвана в клочки руками балканских славян, <...> нам нет особых оснований заботиться о судьбе младших братьев» (Kotov, 2015 p. 107). «Утро России» декларировало: «С бесплодной, злополучной для России политикой чувства пора покончить навсегда» («Tsena Adrianopolia», 1913, August 9).

Все надежды на рост могущества славянства, его единение и совместную реализацию мечт рухнули в одночасье. И даже в сатирических журналах, как заметила российский историк Т.А. Филиппова, весь комплекс публикаций, касавшихся последствий Балканских войн, «был проникнут прежде всего чувством горечи от несбывшегося» (Filippova, 2012, p. 365). Русское общество, ранее опьяненное торжеством славянской идеи, теперь переживало

тяжелое похмелье. И начало искать виноватых.

Поиски были недолгими. Ответственность возложили на болгарское руководство. Его обращения к великим державам с просьбами о помощи против вчерашних союзников, а также Турции и Румынии, вызывали мало сочувствия. «Московские ведомости» назидательно указывало, что сложившаяся ситуация – пример того, «к чему может прийти правительство, изменяющее славянской идее» («*Mirnaia konferentsiia v Bukureshte*», 1913, July 27). Особо подчеркивалось немецкое происхождение царя Фердинанда, якобы определившее его действия. Издания указывали, что в нем заговорила «неславянская кровь» (Kotov, 2015 p. 109), именовали его «австрофильствующим» (Gusev, 2020, p. 454), «государем-иноземцем, которому не только чужда славянская идея, но, как очевидно, даже ненавистна» (Vitte, 1913, July 11). И бенефициаром действий монарха пресса называла Австро-Венгрию – славянство в очередной раз уступило перед натиска германизма. Однако в целом пресса болгарский народ отделяла от «кучки политиканов», виновных в распаде Балканского союза, и делала недвусмысленные намеки на то, что от них стоит избавиться для примирения славян (Gusev, 2020, p. 455–456).

А это уже был первый шаг к возвращению к славянской идее. Как часто бывает, лекарством от похмелья выбирают его причину. И уже стали публиковаться призывы «неустанно пропагандировать славянскую идею», развивать ее, ведь нельзя ее хоронить из-за действий австрийца на славянском престоле (Vitte, 1913, July 11). В другом издании вышли стихи «К печальной годовщине». Лирический герой посетил поле «недавней лютой битвы», «где в злобе яростной бросался брат на брата», но теперь, как он утверждал это самое поле грезит «о близком времени святого примирения, союзном шествии обеих братских стран <...> и общем празднике сплотившихся славян (Ch, 1914, p. 86).

А российский славист П.А. Лавров надеялся, что в 1916 г. на праздновании в Охриде тысячелетия со дня кончины Климента Охридского «соберутся из разных краев славянские гости» (Lavrov, 1914, p. 48).

Правда, «Новое время» предлагало все же ограничиться поддержкой лишь одного государства, и отметало возможность поддержки сторонников македонской независимости, живших в Петербурге: «Всякий славянин в настоящее время должен работать над тем, чтобы всячески помогать славянскому авангарду Сербии. Ибо в Сербии – последняя надежда на лучшее будущее южных славян» («*Nezavisimaia Makedonija*», 1913, August 14). Примыкали к этой позиции и националистические «Земщина» и «Русское знамя»: усилившаяся Сербия – лучшая преграда на пути Австро-Венгрии (Kotov, 2015, p. 112).

Как видим, ощутимая часть русской прессы в своем освещении Балканских войн значительно упрощала картину, сводя ее до символики славянства. Причина избрания такого символа очевидна. Пропаганда опирается

лишь уже на существующие стереотипы, символы и понятия, при этом они должны быть предельно четкими. Наиболее очевидной в борьбе могла казаться христианская символика. И она активно использовалась, но у нее имелись существенные недостатки – слишком широки ряды христиан, к тому же в России болгарская церковь официально считалась схизматической. Вдобавок, многие справедливо указывали, что такая риторика в многоконфессиональной стране может привести к серьезным конфликтам. Потому широкое применение получил славянский дискурс. Пусть он и выводил за рамки симпатий Грецию, но на нее, видимо, всерьез никто не рассчитывал. Недаром издание «Речь», демонстративно избегавшее риторики кровного братства и апеллировавшее к идеалам свободы и прогресса, тем не менее в своих публикациях явно ставила интересы Греции после интересов южного славянства.

В итоге война стала славянской, а Болгария, Сербия и Черногория – воплощением славянства. Оно как символ вобрало в себя целый спектр значений – прогресс, свобода, военные победы, воинское братство и т.д. Однако те, кто активно использовал этот символ, загнали себя в ловушку. Во-первых, возникла повышенная эмоциональность в восприятии обществом событий на Балканах, что исключало возможность поиска компромисса с внешними игроками, и уже правительству приходилось гасить антиавстрийские настроения. Во-вторых, разногласия между Болгарией и Сербией и последовавшее кровавое их столкновение также превратились в одну из черт славянства. И закрадывались мысли, что такое поведение можно экстраполировать на все славянские народы. Тем самым рушился один из главных символов русской внешней политики в последние столетия, а с ним – идеологическое обоснование текущей внешней политики. Потому возникли попытки все объяснить кознями Вены, немецким происхождением царя Фердинанда и пр. По этой же причине от славянства как символа нельзя было отказаться. Ведь в нем было не только описание прошлого, но и надежды на будущее. И русское общество осталось в плену иллюзий славянофильских фантомов, упрощая мир до символов славянства, отказываясь понимать, что у славянских народов интересы и потребности могут быть не только разными, но и полностью противоположными.

РЕФЕРЕНЦЕ

- Amfiteatrov, A. (1913). *Ekho*. Moskovskoje knigoizdatel'stvo.
- Arđov, T. (1912, September 30). Voina protiv Avstrii! *Ulro Rossii*.
- Balashev, I. P. (1913). *Zavetnaia mečhta kazhdogo russkogo*. N. Jevstifejev Publ.
- Ch. (1914). K pečal'noi godovshchine. *Vojennyi sbornik*, 6, 86
- Derental', A. (1913, May 15). Brat na brata. *Russkije vedomosti*.
- Filippova, T. A. (2012). «Vrag s vostoka». *Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi satiricheskoj zhurnalistike nachala XX veka*. AIRO-XXI.
- Grigorov, H., Topuzov, V. (2005). *Balkanskata vojna i Bŭlgarskiiat Červen Krŭst (1912–1913 g.)*. Alians print.
- Gusev, N. (2019). Da li su rusi želeli rat? Ruska javnost i srpsko-austrijski konflikt 1912–1913. godine. *Vojnoistorijski glasnik*, 1, 68–89.
- Gusev, N. S. (2018a). Religiozni motiv vospriiatia Balkanskih voin 1912–1913 gg. i rossijskije musul'mane. *Noveishaia isto-*

- riia Rossii*, 8(3), 560–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.301>.
- Gusev, N. S. (2018b). Razgon manifestatsii v podderzhku slavian v Rossii vesnoi 1913 goda. *Slavianovedenje*, 3, 3–14.
- Gusev, N. S. (2020). *Bolgariia, Serbiia i ruskoje obshchestvo vo vremia Balkanskikh voin 1912–1913 gg.* Indrik Publ. <https://doi.org/10.31168/91674-592-4>.
- Gusev, N. S. (2021). Borbata na hristianskite religiozni institutsii v Makedoniia prez pogleda na ruski ochevidtsi (kraia na XIX–nachaloto na XX vek). In Z. Pürvanova (Ed.). *Religiozni institutsii i natsionalna identichnost na Balkanite (XIX–XX vek)* (pp. 204–216). Prof. Marin Drinov.
- Klevezal', V. (1913, July 5). Pozor i gore. *Moskovskije vedomosti*.
- Korablev, V. (1913, August 11). Itogi. *Slavianskije izvestiia*.
- Korablev, V. (1913, June 2). Tsarskii golos. *Slavianskije izvestiia*.
- Korablev, V. (1913, June 30). Brat na brata. *Slavianskije izvestiia*.
- Kostrikova, Je. G. (2007). *Rossiiskoje obshchestvo i vneshniaia politika nakanune Pervoi mirovoi voiny. 1908–1914.* IRI RAN.
- Kostrikova, Je. G. (2017). *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskii vopros: ideinaia bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka.* Kuchkovo pole.
- Kotliarevskii, S. (1913). Vneshniaia politika v 1912 g. *Russkaia mysl'*, 1, 18–22.
- Kotov, B. S. (2015). Mezhsouznicheskaja voina leta 1913 goda v vospriiatii russkogo obshchestva (po materialam pressy). *Novaia i noveishaia istoriia*, 3, 101–112.
- Kotov, B. S. (2017). Otsenka rossiiskim obshchestvennym mnenijem politiki Rumynii v preddverii Pervoi mirovoi voiny (1912–1914 gody). *Novaia i noveishaia istoriia*, 3, 85–101.
- Lavrov, P. A. (1914). *Balkanskii soiuz i perezhivajemyi im krizis.* Olo- netskaia gubernskaia tipografiia.
- Lotman, Iu. M. (2000). *Semiosfera.* Iskusstvo—SPB.
- Men'shikov, M. (1912, October 14). Pis'ma k blizhnim. *Novoje vremia*.
- Men'shikov, M. (1913, July 4). Dovol'no draki. *Novoje vremia*.
- Men'shikov, M. (1913, May 23). Nakanune prestupleniia. *Novoje vremia*.
- Miliukov, P. N. (1912, November 5). Podderzhite nashikh družei. *Rech'*.
- Miliukov, P. N. (1913, January 17). Grecheskaia tochka zreniia. *Rech'*.
- Mirnaia konferentsiia v Bukureshte. (1913, July 27). *Moskovskije vedomosti*.
- Moskva slavianam. (1912, November 11). *Utro Rossii*.
- Nasha natsionalisticheskaia pechat'. (1913, May 16). *Rech'*.
- Nezavisimaia Makedoniia? (1913, August 14). *Novoje vremia*.
- R—". (1913, June 2). Vazhnyi istoricheskii moment. *Russkoje znamia*.
- Rodzianko, M. V. (1929). *Krushenje imperii.* Priboi.
- Shemiakin, A. L., Ivanova, E. V., Miloradović, G., Timofejev, & A., Perišić, M. (Eds.). (2012). *Moskva – Srbija, Beograd – Rusija: dokumenta i materijali, Vol 3: Društveno-političke i kulturne veze 1878–1917.* Arhiv Srbije.
- Slavianskaia strada (1912, October 1). *Novoje vremia*.
- Slukhi ob okonchatel'nom razryve Gretsii. (1912, November 27). *Russkije vedomosti*.
- Stolypin, A. (1912, October 3). Brat'iam-slavianam. *Novoje vremia*.
- Taburno, I. P. (1913) *O serbskikh bitvakh (vpechatleniia ochevidtso voiny serbov s turkami 1912 g.)*. *Novoje vremia*.
- Trotskii, L. D. (2011). *Pered istoricheskim rubezhom. Balkany i Balkanskaia voina.* Novyi Prometei
- Tsena Adrianopolia. (1913, August 9). *Utro Rossii*.
- V Jevrope i na Balkanakh. (1913, June 1). *Novoje vremia*.
- Viktorov, V. (1912, December 28). Balkanskije nastrojeniia. *Rech'*.
- Vitte, Je. (1913, July 11). Slavianskaia ideia. *Moskovskije vedomosti*.
- Vysochaishaia telegramma tsariu. (1913, May 31). *Russkije vedomosti*.
- Vysochaishaia telegramma. (1913, May 31). *Golos Moskvy*.

Балкански ратови као словенски ратови: функционисање једног од симбола у публикацијама руске штампе

Никита Сергеевич Гусев

Институт за славистику Руске академија наука, Москва, Руска Федерација

У чланку се испитује место словенских симбола у издањима руске штампе током Балканских ратова. Управо је словенску симболику значајан део руских новина користио описујући ратне догађаје. Због тога је Грчка занемарена. Међутим, руско друштво је показало мало симпатије према њој. Словени су постали оличење хришћанства, напретка, слободе и антигерманизма. Услед низа различитих фактора најактивније су коришћени симболи братства и заједничког словенског „задатка“. Када је дошло до сукоба Бугарске и Србије, руско друштво је активно почело да говори о одговорности не

само за братоубиство, већ и за пропаст општесловенске ствари. Као резултат Другог балканског рата чули су се захтјеви да се напусти словенска политика Русије. Међутим, улога Словена као симбола је били превелика да би били одбачени. Због тога је било покушаја да се сачува симбол словенског братства и да се пронађу други разлози за ратна дешавања.

Кључне ријечи:

Балкански ратови, Словени, Русија, Бугарска, Србија, јавно мњење, словенско јединство, симболи.
